

в этом лиц¹⁴⁴. По поводу этой новеллы было высказано мнение, что она будто бы отражает неспособность греческого купечества организовать обмен внутри страны, неспособность, в конечном счете обусловившую проникновение в империю иностранного купеческого капитала¹⁴⁵. Д. Дэнстрап, выдвинувший это мнение, слишком принижает, на наш взгляд, активную роль византийского купечества, но он, безусловно, прав, когда полагает, что вотчинники искусственно поддерживали конкуренцию между греческими и иностранными купцами в корыстных целях, стремясь к непосредственному контакту с иноземцами¹⁴⁶. Нам кажется неоспоримым, что новелла 996 г. отразила стремление феодалов к созданию собственных рынков, к установлению своей опеки над местным обменом. Убедительный материал по этому поводу собран в работах Стр. Лишева¹⁴⁷, который, впрочем, переоценивает роль вотчины в производстве и полагает, что она была основным поставщиком сельскохозяйственных продуктов на внутреннем (а впоследствии и на внешнем) рынке¹⁴⁸.

Императорский запрет не остановил тенденции к организации собственных базаров в поместьях. Косвенное доказательство этого мы видим в сообщении Пселла о частных базарах и в свидетельстве устава монастыря Богородицы Мироспасительницы о ярмарках, ежегодно созывавшихся во владениях севастократора Исаака¹⁴⁹. Эту тенденцию, по нашему мнению, следует считать выражением более широкого процесса. Византийские феодалы вообще не были склонны ограничивать источники своих доходов сферой сельскохозяйственного производства. Определенная часть феодалов была непрочь присвоить себе прибыль, создаваемую и в сфере ремесла и торговли. Борьба за создание в своих владениях центров торговли (*πανηγύρεις*) была только одним из проявлений этой тенденции. Другим ее проявлением явился захват феодалами экономических позиций в городах. Это проникновение феодалов в города выразилось в появлении собственности феодалов не только на земельные участки в городе, но и на многочисленные мастерские^{149а}.

Любопытные выводы о вторжении вотчинников в торговую жизнь страны позволяют сделать анализ понятия «эмпорий» (*ἐμπορίον*). В литературе прочно укрепилось мнение об эмпории, как о крупном, преимущественно приморском, центре обмена¹⁵⁰. Частично это мнение оправдывается и нашим материалом. Византийцы видели в эмпории прежде всего рынок, как об этом сообщает Евстафий Солунский, рассказывающий об арендаторах монастырских помещений, богатевших от связи с эмпориями¹⁵¹.

¹⁴⁴ Ibid., p. 318.

¹⁴⁵ J. Danstrup. Manuel's coup against Genoa and Venice in the light of byzantine commercial policy. — «Classica et Mediaevalia», X, 1949, p. 199.

¹⁴⁶ J. Danstrup. Op. cit., p. 198.

¹⁴⁷ Стр. Лишев. За стокового производство... стр. 64 сл.; его же: За проникването и ролята...

¹⁴⁸ Стр. Лишев. За стокового производство... стр. 70—72.

¹⁴⁹ *πανηγύρεις* *idiaic*. — C. Sathas. Op. cit., p. 220. 7; БМ, стр. 52. 14.

^{149а} Для IX—X вв. см. по этому поводу: М. Я. Сюзюмов. Ремесло и торговля в Константинополе в начале X в. — ВВ, IV, 1951, стр. 15 сл. Для XI—XII вв. мы имеем сообщение о собственности у Атталиата на мастерские в Редесто (ММ, V, p. 304. 30). Проникновение феодалов в города и привело впоследствии, в эпоху поздней Византии, к их засилению в экономической жизни города (см. З. В. Удальцова. О внутренних причинах падения Византии в XV веке. — ВИ, 1953, № 7, стр. 106; 110 сл.).

¹⁵⁰ М. Я. Сюзюмов. Роль городов-эмпориев в истории Византии. — ВВ, VIII, 1956, стр. 27 сл. Когда-то удельный вес эмпориев в ряду других поселений был довольно велик. Это явствует из того, что документы времён Ираклия упоминают их наравне с городами и селами (*πόλεις ἢ κώμαι ἢ ἐμπορία*. — Jus, III, p. 41. 28).

¹⁵¹ Eustathii De emendanda vita monachica. (Цит. по: Ф. И. Успенский и др. Образование Второго Болгарского царства. Одесса, 1879, стр. 63, прим. 2).